

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.4+808.51

DOI: 10.17223/19986645/70/18

В.М. Амиров, Т.А. Глебович

КОНФЛИКТ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И КОНСЕРВАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МЕДИАДИСКУРСЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И ДАГЕСТАНСКИХ СМИ

Исследуется конфликт двух ценностных систем в процессе медийной репрезентации состоявшихся (или несостоявшихся) в Дагестане резонансных культурных событий. На базе ряда материалов федеральных и региональных СМИ проанализированы концепты, дискурсивные стратегии и языковые приемы медийной полемики, способы конструирования конъюнктурных образов и этически маркированных симулякров. Сделаны выводы о стратегиях и результатах развития конфликтной дискурсивной практики в федеральном и региональном медийном пространстве.

Ключевые слова: *медиадискурс, конфликт, стратегия, ценности, идеология, религия.*

Введение

Недавний конфликт в самой многонациональной республике Российской Федерации – Дагестане – вокруг «оскорбительных» спектаклей и концертов актуализирует исследование проблематики традиционализма и религиозных норм, формирующих систему этических ценностей, в медиадискурсе. Эта задача представляется важной, поскольку поиск национальной идентичности так или иначе определяет и поиск границ допустимого в культурной сфере.

Проблемой работы станут принципы развития и постоянной информационной и коммуникативной актуализации конфликтной дискурсивной практики, реализующейся в стратегиях и способах языкового конструирования. Исходя из положения М. Фуко о том, что дискурс – инструмент реализации властных, манипулятивных, в широком смысле любых императивных намерений [1. С. 47–49], можно утверждать, что необходимость рассмотрения проблемы обуславливает и социальный результат, и качественные изменения дискурсивного пространства, которое детерминирует и катализирует развитие конфликтной культурной среды и образа культурного врага, вторгшегося на сакральную территорию.

В связи с этим **цель исследования** может быть заявлена в традиционном ключе КДА – проанализировать стратегии ведения и дискурсивной репрезентации околокультурной полемики, рассмотреть процесс консти-

туирования политически или религиозно ангажированных ценностных систем (картин мира) и презентации конъюнктурно востребованных образов, а также процессы конструирования этически маркированных симулякров.

Теоретико-методологическая база. К медийной полемике по проблемам культурной жизни и национальных запросов применимо определение дискурса, предложенное Т. ван Дейком, который трактует дискурс как коммуникативное событие в определенном контексте [2. Р. 10; 3. Р. 352–371]. Также следует выделить, наряду с уже упоминавшимися положениями М. Фуко, теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса [4].

Трансформация этого понятия в дискурсивных практиках дагестанских медиа может стать отправной точкой методологического подхода, так же как и положение о коммуникативном языковом употреблении. По Хабермасу, связь между высказыванием и миром направлена на реализацию трех функций языка: «воспроизводства культуры», «социальной интеграции или координации» участников коммуникативного взаимодействия и «социализации или интерпретации потребностей» [4. С. 41], которые определяют процесс вербализации ценностных установок, соответствующего им образного и пространственного конструирования и передачи представлений о мире [5]. Применительно к религиозной дискурсивной практике теоретическим обоснованием станут также работы, исследующие тенденции репрезентации исламского дискурса в зарубежных медиа [6. Р. 123–147; 7. Р. 355–366].

Среди отечественных работ необходимо назвать общеизвестные исследования Н.Д. Арутюновой, А.П. Чудинова, Э.В. Чепкиной, в которых представлены подходы к дискурсивному анализу процессов медиасреды, структурных элементов медиадискурса идеологических и политических типов коммуникаций, репрезентуемых в СМИ [8. С. 136–137; 9; 10]. Следует выделить работы, формирующие понятийный и методологический аппарат исследования конфликтного дискурса [11. С. 75–78; 12. С. 203–220; 13. С. 15–20], его когнитивную базу в контексте межкультурного взаимодействия и принципы лингвокогнитивного анализа конфликтогенного высказывания [14. С. 3–15; 15; 16. С. 121–123]. Отдельно необходимо отметить работы, рассматривающие формы и способы формирования конфликтогенности, в частности приемы манипулирования [17. С. 47–51; 18. С. 242–252; 19. С. 236–242; 20. С. 62–69]. Именно с опорой на названные теоретико-методологические посылки будут рассмотрены материалы федеральных и региональных СМИ.

В качестве **методов анализа** эмпирического материала выбран критический дискурс-анализ по Н. Фэркло, предполагающий классическую трехступенчатую модель (текст, дискурсивная практика, социальная практика) [21. С. 142–162; 22. Р. 213–232; 23. Р. 181–192] в контексте стратегий трансляции конфликта, а также приемов формирования ангажированных ценностных систем [24. Р. 169–189] и конструирования симулякров. В рассмотрении предпосылок репрезентации конфликтогенных ситуаций с позиций ангажемента использовались элементы исторического дискурс-анализа по Р. Водак [25. Р. 149–173] и интент-анализа.

Эмпирической базой исследования первоначально стали свыше 100 материалов федеральных и региональных СМИ. Отбор проводился по ключевым словам и тематической отнесенности. В результате первичного контент-анализа было выявлено, что фактологическая информация материалов, а также герои и цитированные комментарии зачастую одинаковы. В результате было выделено 10 материалов федеральных и 10 – региональных СМИ. Критерии отбора – наличие наибольшего количества текстовых приемов конструирования конфликтогенной ситуации, наибольшее количество цитируемых комментариев, глубина дискурсивной конфронтации героев.

Социально-политический бэкграунд

Дагестанское медиапространство отличается не только тем, что в нем во всем многообразии представлены, кроме русскоязычных, средства массовой информации на многих местных языках – аварском («Хiакикат»), даргинском («Замана»), лезгинском («Лезги газет»), лакском («Илчи»), кумыкском («Елдаш»), табасаранском («Табасарандин нура»), ногайском («Шоьл тавысы») и др., но и тем, что оно представляет «поле активного диалога различных этносов, наций и культур» [26. С. 313–314].

Подоплека конфликта двух типов восприятия мира в сфере культуры связана с тем, что на протяжении достаточно длительного времени в Дагестане идет процесс политизации [27. С. 109–112] религиозных представлений и норм. События, принадлежащие культурной жизни республики, становятся в подобном контексте удобным пространством для трансляции как этических ценностей, так и политических интересов.

На формирование морально-ценностных установок и, соответственно, отношение к представляемым в регионе продуктам культуры и искусства большое влияние оказывают также два важнейших обстоятельства, отчетливо просматривающихся в медиадискурсе республики.

С одной стороны – нормы, зафиксированные в Коране и Сунне и предписывающие мусульманину скромность во всех аспектах его социального поведения: *Стыдливость – от веры, а вера ведет в рай, а бесстыдство – от грубости, а грубость приводит в ад* (ат-Тирмизи). С другой стороны, традиции, берущие свое начало от неписаных положений доисламского кодекса поведения – адата, который все еще является этической основой воспитания молодых дагестанцев. Сила адата в том, что «так было всегда», «так поступали отцы и деды», при этом положения адата и шариата в вопросах отношения к тем или иным аспектам светской культуры вступают во взаимодействие [28. С. 57–62]. Таким образом, ортодоксальное понимание того, что «можно», а что «нельзя» смотреть и слушать, имеет в местной медиапрактике двойное обоснование.

Нужно учесть, что медиадискурс детерминирован в вопросах определения «своего – чужого» и границ дозволенного в искусстве политическими причинами и социальной спецификой региона.

К этому следует добавить объективно существующие процессы реисламизации (закрепления и укоренения «нового» более жесткого по социальным установкам ислама) и институциональной политизации религии и ее внешних проявлений. [28. С. 57–62; 29; 30. С. 62–67]. Все перечисленные выше факторы детерминируют конфликт культурных интересов, закрепляют его в дискурсе, формируют контекст отрицательных взаимодействий, который усиливается реальными фактами противостояний.

Анализ материалов

Идейный потенциал, форма подачи (актуальна для региональных медиа) и структура высказываний по культурной тематике позволяют предположить, что развитие конфликтогенной ситуации в культурном дискурсивном пространстве в большей мере направлена на достижение политических целей и что под культурной оболочкой продвигаются актуальные для определенных групп механизмы управления социумом.

Федеральные СМИ

«Мы не хотим жить так, как принято у вас».

Противник аниме-фестиваля в Дагестане обозначает границы дозволенного [31].

Одним из наиболее репрезентативных примеров трансляции ортодоксальных ценностных установок и, соответственно, формирования конфликтогенного дискурсивного пространства является группа «Имамат Дагестана» в социальной сети Instagram. Рассмотрим интервью с администратором сообщества, опубликованное в «Коммерсанте». Информационным поводом для беседы стала публичная активность героя, связанная с запрещением аниме-фестиваля.

Дагестанская Instagram-группа отображает виртуальные столкновения по вопросам морали и национальных ценностей. В рамках этого пространства развивается практика социально-коммуникативного конфликта и формируется медийный капитал героя публикации. Стратегии беседы и формы самопрезентации героя раскрывают семантическое наполнение понятий «черта» или «норма» в контексте культурной полемики. Так, герой, обозначая свою позицию, вписывает ее в систему представлений о современном человеке, погруженном в мультикультурную цифровую среду: *Я бы хотел, прежде всего, прояснить: негативное отношение к таким мероприятиям – это не признак отсталости. У меня самого лежат на полке комиксы по Warcraft, по «Звездным войнам», книга по Skyrim. Но главное – не переступать грань. Если это увлечение в пределах нормы – то никаких проблем вообще не будет.*

Герой интервью продолжает представлять конфликт со своей точки зрения, для чего использует стратегию создания угрозы (опасного прецедента). В дальнейших ответах корреспонденту «Ъ» идея сохранения «гра-

ни» и пресечения выхода за нее, т.е. «разврата», останется ключевой. В структуре высказывания можно проследить традиционный манипулятивный прием «создание угрозы», несколько адаптированный под национальный менталитет.

Во многих исследованиях подчеркивается важность прецедента для формирования норм традиции (адата) [28. С. 57–62; 26. С. 313; 32. С. 1–5]. В логике героя фестиваль чреват формированием отрицательной социально-культурной нормы: *Сегодня аниме-фестиваль в театре, а завтра везде ходят с крашеными волосами. Вот чего мы не хотим.* Противостоять растлению молодежи (по мнению героя) должен человек, получивший правильное воспитание. Стремление к этическому доминированию в республиканском социуме вынуждает Нугаева презентовать себя как авторитетного человека, лидера мнений и создавать собственный медиаобраз в контексте и в рамках медиаобраза целого народа. Перечислим стратегии речевого конструирования. Коммуникативная суггестия: *Вы не сможете нас понять, вы воспитаны по-другому, у вас другая ментальность*; заявленная дезинтеграция: *Я прекрасно понимаю ваши аргументы, но мы с вами разные*; оправдание речевой и поведенческой агрессии в отношении «чужих»: *Когда человек... может сгоряча наругать. Лично я отношусь негативно к таким вещам (о запугивании детей). Но есть такое понятие – горячая кровь*; провокативный запрет на социализацию культурных потребностей, апелляция к базовым этическим ценностям, перенос ответственности на родителей за поведение взрослых детей: *Мы считаем, что дагестанцы не должны были там (на фестивале) присутствовать. Если они туда пошли – значит, родители не занимаются их воспитанием, не объясняют, что хорошо и что плохо.*

Речевые стратегии Нугаева направлены на разрушение коммуникативного пространства, на создание ситуации коммуникативной неудачи и формирование дискурса культурно-политического конфликта, где каждый участник вербализует только ему понятную точку зрения. Элементы манипулятивной риторики нарушают логику традиционных сценариев социального и культурного диалога, публичного взаимодействия различных ценностных систем и традиций.

В целом на конфликтогенную дискурсивную практику (репрезентованную журналистом «Ъ» без комментариев) работают и содержательный компонент, и речевая форма, и фоновый текст локации (Instagram), представленный в интервью в виде скриншотов и полностью доступный в Сети. Военизированный логотип сообщества, креолизованный текст призыва (*братьям и сестрам*) отсылают к пропагандистским (плакатным) текстам войны. Посты участников, содержащие оскорбления и призывы к незамедлительной (агрессивной) реакции на поведение близких и контролю их личной территории, репрезентируют пространство противостояния и его коммуникативные тактики в рамках микросоциума (семейного сообщества). В качестве «врага» в дискурсе сообщества фиксируются слабейшие члены семьи. В этом случае культурные практики и различия становятся

началом глобального противостояния, основанного как на семейных и гендерных ролях членов социума, так и на политических, религиозных, поведенческих предпочтениях.

Стращать и не пущать! Волна запретов накрывает Дагестан [33].

Дагестанское пуританство санитаров морали, или Сказ о том, как молодежь республики попала под запреты и ограничения.

Стилистически и литературно маркированные концепты (*стращать, не пущать*), а также указание на жанр (*Сказ о том...*) направляют семантическую игру в русло интенций медийной сатиры и связанного с ней ореола публицистических войн. Концепт «санитары морали» – метафорическое определение поборников религиозных ценностей – не только представляет собой продукт выражения политических смыслов, но коррелируется с весьма жесткой языковой прецедентной формулой – «санитары леса» и ее негативным саркастическим смыслом. Текстовая структура заголовка и лида, противоречивая в плане организации смысловых единиц и ироничная, провоцирует читателя сделать выбор в пользу одной из сторон конфликта. Цитатное письмо позволяет создать вторичное пространство дискурсивного и социального конфликта, снабдив его накалом эмоций «от первого лица».

Противники культурных событий транслируют уже отмечавшиеся ценностные установки в рамках стратегии создания вымышленной угрозы этическому благополучию и национальной идентичности, а также используют ограниченный целями набор концептов (священная земля, оскорбление, мужчины): *Деятельность подобных заведений на священной земле наших предков – это оскорбление народа, оскорбление всех, кто здесь проживает*. Элементом стратегии выступает отсылка к личному пространству читателя (*оскорбление всех*), направленная на эмоциональное включение в ситуацию, на создание внутреннего конфликта, базирующегося на заложенном в менталитете чувстве чести.

Усиление положительных качеств героев на отрицательном фоне можно охарактеризовать как ситуативно актуальную форму речевой агрессии и еще одну, сознательно выстраиваемую манипулятивную стратегию, основанную на контрасте старых (прецедентно обусловленных) и новых моделей поведения «настоящих мужчин». Приём рассчитан на формирование представлений о нравственной деградации общества и на продавливание косвенной угрозы в адрес организаторов культурных мероприятий (цитируется высказывание блогера): *Когда в Дагестане было мало видеонаставников, а были неравнодушные мужчины, которые просто вставали и ехали туда, где, «к примеру, рок-концерт», и накалывали там всех – тогда и не было подобного... Берите пример с Чечни, там ребята с пейнтбольными ружьями заставили женщин нормально одеваться*. Стержнем речевой стратегии является апелляция к представлениям об образе жизни настоящих мужчин, к личному гендерному опыту читателей и к резонансным событиям в соседней республике.

Комментарии сторонников культурной интеграции (в том числе автора материала) имеют противоположную направленность, но столь же агрес-

сивны с точки зрения формы, провокативны с точки зрения контекстного содержания: *Здесь (в проекте «Нетипичная Махачкала» – Авт.) размещались компрометирующие фото- и видеоматериалы, которые набирали десятки и сотни тысяч просмотров. А в комментариях безгрешные пользователи с нимбами над головой устраивали объектам критики адский марафон.*

Страшный сон, безгрешные пользователи, с нимбами над головой, адский марафон становятся не просто системой смыслообразующих концептов-метафор, но формой авторского мнения, авторской иронической эмоцией в дискурсивном масштабе.

Автор полемизирует с ортодоксами и невольно уравнивается с ними в степени вербально выраженной агрессии (о чем свидетельствует тенденция к использованию иронических моделей высказывания [34. С. 111–114]), превосходит противников в мастерстве трансляции негативных посылов, трансформируется в столь же активного участника конфликта.

Комментарии участников полилога строятся по такому же принципу: *Слово рок для них, как красная тряпка для быка. У них в голове сразу возникают стереотипные образы: сатана, кровь девственниц и сердца младенцев», – прокомментировал ситуацию музыкант.* Жесткие характеристики музыкальных предпочтений встраиваются в парадигму конфликтной риторики и в образно-метафорический ряд публичной дискуссии, дополняются ироническим противоречием понятий «рок» и «стереотипные образы». Названные характеристики лишены манипулятивной направленности, но привлекают внимание к разнице ценностных систем и картин мира.

Авторский вывод возвращает читателя к стратегиям непримиримого противостояния, которые базируются на этических концептах (*греховность, развращение, наследие предков, нравственность*), к ироническим компонентам текста, сформированным выразительными средствами (*с лупой в руках, узреть, местные санитары*), и как следствие к эскалации конфликта за рамками медийной площадки: *Противники всего и вся с лупой в руках пытаются узреть во всём, что идёт вразрез с их видением мира, развращение и деградацию молодёжи, греховность и нечисть, неуважение к исламу и наследию предков. И большой вопрос, чего здесь больше: стремления сохранить нравственность или банального самопиара на популярной теме.* Поставленная проблема остается открытой, финал материала не ведет к разрядке социально-коммуникативного конфликта.

«Мрази! Будете гореть в аду!» [35].

Конфликтная ситуация представлена в материале через сопоставительный анализ мнений участников. Соответственно, его (материала) семантическая структура поляризована, построена на равноправном включении негативных (бранных – *мрази, быдло*) и этических или чувственно-эмоциональных (*законы шариата, шок, защита, угроза*) концептов. Заголовки представляет собой цитату одной из противостоящих сторон, наглядно демонстрирующую уровень накала страстей и степень речевой агрессии.

Журналист уделяет особое внимание жертвам морально-религиозных притеснений, раскрывает обыкновенную (для светского общества) логику тех, кто организовывал фестивали, концерты, театральные постановки и не имел целей, кроме культурных, интегративных, развлекательных: *Ким оказался одним из участников махачкалинского фестиваля азиатской культуры. И вот уже сутки он пребывает в шоке. Состояние гостя обусловлено военной риторикой в культурном пространстве, сценами издевательств с элементами насилия по отношению к участникам фестиваля, угрозами. В пересказе героя вербализуется не эмоциональная реакция на срыв AniDag, но политическая интерпретация события: ...Из Дагестана пытаются сделать исламское государство, заставив всех жить по законам шариата. Образ радикально настроенных представителей социума обрабатывает подробностями атаки на культурное событие: Защита от правоохранительных органов? Да что вы! Полиция сама вела себя совершенно похамски даже по отношению к детям. Они, такое впечатление, не нас защищали от быдла, а быдло от нас! Было страшно...* В этом и других комментариях участников фестиваля хорошо прослеживаются модели поведения и коммуникации борцов за нравственность: *Пока мы ждали такси возле театра, вокруг нас ходили толпы непонятных заведенных молодых людей, снимающих нас на телефон, а кого-то они вовсе звали «поговорить» – особенно девочек с крашеными розовыми и зелеными волосами.*

Описание «культурного» столкновения не несет ничего качественно нового, значимым оказывается только определение нападавших («быдло»), контрастирующее с общим впечатлением от участницы несостоявшегося фестиваля. Агрессивность эпитета объясняется эмоциональным напряжением говорившей и лишний раз подчеркивает конфликтогенную природу риторик обеих сторон.

Авторский комментарий строится на саркастической репрезентации идеи конфликта: *Как это бывает в подобных случаях, все эти милые люди решили пойти самым простым путем: запретить все, что не укладывается в их понимание прекрасного.* Метафорическое обозначение поборников нравственности (*милые люди*) звучит мягко, не затрагивает характеристики смыслообразующих концептов текста, а сам иронический посыл теряется за демонстрацией сценария культурной войны и хронологией конфликтогенных действий. Автор не ставит целью продемонстрировать негативный потенциал в высказываниях героев. Нейтральная тональность материала и сдержанная позиция автора работают на постановку проблемы и формируют достаточно жесткое, но все же коммуникативное пространство, представляющее конфликт с разных сторон.

Борьба с современной культурой вписывается в контекст исторической проблемы – непростого взаимодействия традиции (адата) и ислама, в конфликт культур, развивавшийся задолго до появления мультипликационных фестивалей. Названную проблему репрезентует цифровой контекст материала, его гипертекстовые ссылки на другие публикации Lenta.ru по ключевым словам. Неоднозначные и громкие инфоповоды с броскими заго-

ловками формируют отрицательный эмоциональный фон дискурсивного пространства, объединенного тематикой республики. Врезки со ссылками на негативные публикации становятся элементом креолизации рассматриваемого материала, образуют аксиологический контекст [36. С. 776–794] и формируют манипулятивную стратегию репрезентации культурных и социально-этических проблем республики. Эта стратегия базируется на классическом приеме создания угрозы. Подтверждением служат анонсы врезок: 1) *Их хоронят отдельно, как самоубийц. Почему на Кавказе не прекращаются убийства чести;* 2) *Ведут девочек под нож в угоду мужчинам. Как и для чего проводится женское обрезание в Дагестане;* 3) *Женщины России просят обрезать язык муфтию Северного Кавказа. Как в соцсетях ответили на предложение Бердиева о тотальном женском обрезании.* Кликбейтовые ссылки становятся краткими вставными историями в основной текст с тенденцией усиления негатива и трансляции извращенных форм покушения на человеческие ценности и неприкосновенность жизни, конструируют образ варварства, обусловленного далекими от цивилизации обычаями. Подобная коммуникация ведет к невозможности конструктивного публичного диалога о традициях и культуре республики, о роли традиций в формировании идентичности на современном этапе развития. Гипертекст представляет картину этической (уже не культурной) войны с реальными человеческими жертвами.

Региональные СМИ

Трансляция культурно-политических взглядов в федеральных СМИ представляет собой полемическое пространство, в дагестанских электронных СМИ события, связанные со срывом фестиваля аниме, представлены как хроника с линии противостояния, в которой коммуникативный успех равен победе в определенной социально значимой ситуации.

«Дагестан становится ареной борьбы за нравы» [37].

В материале Теймура Гаджиева «Дагестан становится ареной борьбы за нравы» и постановка проблемы материала, и языковые средств конструирования образа события и его участников, и, соответственно, функционал языковых средств направлены на культурную дезинтеграцию и проведение той самой «черты», о которой говорил Ислам Нугаев в интервью «Ъ». В названном и еще ряде материалов (они будут рассмотрены далее) дискурсивное пространство изначально поделено на социально-коммуникативные области «своих» и «чужих» с соответствующими маркерами.

Последовательность событий защиты детей от фестиваля представлена через наиболее значимые эпизоды (разгон фестиваля, участники разгона, инициатор и его роль): *В воскресенье 25 ноября в Махачкале сорвали фестиваль азиатской культуры. Основным контингентом мероприятия должны были стать дети и подростки. Мероприятие... привлекло внимание консервативно-религиозной части махачкалинцев, которые оперативно сорвали фестиваль в тот момент, когда он уже начался.* Смыслообразую-

щие концепты представлены двумя типами: концепты-понятия (*контингент, активисты, позиция, показания, инцидент*) и этические концепты-образы (*консервативно-религиозная часть махачкалинцев, народный протест, конфликт нравов, моральная чистота, духовные ценности*). Первые формируют картину общественно значимого, законного, силового мероприятия, направленного на сохранение устойчивых сценариев жизни социума. Они фиксируют будничность характера события, его нормативную обусловленность и положительную социальную значимость, транслируемую для «своих». Вторые обеспечивают этический фундамент дезинтегративных моделей поведения, формируют условно «высокие» цели и искусственный пафос спасения национальных ценностей.

Особого внимания требует демонстрация области «чужих»: *Участники фестиваля для этого вырядились в одежды аниме-героев, то что называется косплеем... для тинейджеров с волосами и париками цветов радуги, в костюме пикачу и юбками выше колен... отменить шабаши малолеток.* Конфликт нравов представляется в дискурсивной практике через осуждаемые образы (*современная манера одеваться*), через узнаваемые отрицательные формы социализации потребностей (*волосы и парики цветов радуги*) и через кросскультурные аллюзии (*шабаши*), которые должны совместить картину современных нравов и цифровой культуры с устрашающими сознание культурными архетипами. Эти приемы презентации манипулятивны по своей сути (запугивание, аналогия с культурными прецедентами), но их основное отличие в стратегии конструирования «чужого» пространства. Эту стратегию можно назвать стратегией карнавализации. По М.М. Бахтину [38], карнавал предполагает обязательное наличие ролей, ритуализацию действий участников, нарушение (тотальное) всех этических запретов. Собственно культурный и этический перформанс участников фестиваля – подростков как раз и предстает карнавальным принятием ролей и сломом норм, а показательное преследование «организаторши» фестиваля становится сценарно предусмотренной охотой на ведьму.

Провокативное по содержанию и форме высказывание Эльдара Иразиева (цитата из видеоролика) свидетельствует о расширении пространства морального конфликта за рамки культурных предпочтений. Иразиев не только продвигает идеи определенного общественного сегмента, но и готов сформировать для этих идей глобальный этический контекст: *Сегодня читаю на некоторых прозападных СМИ то, что в Махачкале отменили концерт японской культуры. Такой детский безобидный концерт был и его отменили исламисты.* Значима сама манера эмоциональной подачи рассуждений шоумена. Его ирония перетекает в жесткий сарказм и далее в откровенную подтасовку смыслов, трансформирует конфликтное содержание высказывания в буффонатный пассаж: *И главный исламист – актёр Эльдар Иразиев. Если же, по вашему мнению, человек, который выступает за сохранение моральной чистоты, за сохранение духовных ценностей, является исламистом, то самый главный исламист в нашей стране – это патриарх Кирилл.* Это также ролевой месседж, карнавализованная форма вы-

сказывания на службе политических целей. Иразиев педалирует карнавальную модель сатирического смеха: перебранки с противником и «переворачивания» общеизвестных истин. Ему необходима ситуация карнавала для девальвации моделей социального поведения оппонентов, гротескного усиления картины падения нравов и перенаправления и подчинения общественного сознания. Карнавализация культурно-этического конфликта имеет совершенно прозрачную политическую подоплеку. В данном случае религиозно адаптированные нормы поведения должны стать не столько этическим ориентиром, сколько идеологической парадигмой.

Следующая проблема материала – ночные клубы и связанные с ними поведенческие стандарты – иллюстрирует идеологизацию религиозных истин. Религия с ее поведенческими ритуалами должна стать единственно возможной моделью социального поведения, обслуживать политические интересы и цементировать социум. Религиозные представления должны встроиться в идеологическую парадигму: *Заведения, являющиеся местом для посиделок, зачастую не супружеских смешанных пар с алкогольными напитками, кальянами, а в некоторых случаях и с наркотиками, давно стали вялотекущей темой обсуждения и объектом порицания в дагестанском обществе.* Проблема ночных клубов связывается с фестивалем мультфильмов контекстом развращения молодежи и необходимостью восстановления традиционных ценностей. Вывод автора о наличии противостояния и непримиримых общественных противоречий подчеркивает, что религия в данной ситуации – инструмент политики, форма идеологического структурирования социального конфликта и дискурсивных форм его проявления.

Дагестан и блюдуны морали [39].

Провокационный заголовок представляет собой иронический выпад в адрес оппонентов, направленный на активное эмоциональное вовлечение в конфликт. Само метафорическое определение «блюдуны морали» (продукт двухуровневой языковой игры) становится смыслообразующим концептом. Этот концепт делит пространство отражаемого в материале события на два лагеря: морально неустойчивой общности любителей культуры и избранный круг поборников нравственности.

Рассуждения журналиста построены традиционно: *Это бесконечно разнообразная республика. Кто-то увлекается народными промыслами, кто-то – джазом. Прихожане молятся в мечети, а меньше чем в километре от них шумит дискотека.* Задача автора – создать картину мультикультурного пространства республики, подчиненного закону невмешательства в интересы другого. Эмоциональный посыл рассуждений предельно спокойный, доброжелательно приглашающий к совместным размышлениям.

Контрастирует с эмоционально корректными рассуждениями авторский комментарий к действиям чиновника: *Но чиновник Министерства по делам молодежи объявил в интернете, что праздник не соответствует религии и традициям республики, а значит, его надо запретить. Призыв подхватили всевозможные блюдуны морали* – дающий исчерпывающую

характеристику поборникам нравственно-религиозных норм. Резкая, газетная оценка отсекает перспективу диалога и репрезентует интенсивность конфликта: *Недавно «моралистам» повезло – на их сторону встал чемпион Хабиб Нурмагомедов. С таким духовным авторитетом запреты полетели, как из пулемета.* Средствами языковой репрезентации становятся метафора (*духовный авторитет*), структуру которой образуют смысловой конфликт профессиональной принадлежности героя (боксер-чемпион) и его социальной функции (*духовный лидер*) и образное ироническое сравнение (*как из пулемета*), девальвирующее значимость публичных высказываний конъюнктурно востребованного духовного законодателя.

Языковые средства выразительности (метафорические определения, образные, подчеркнута «газетные» сравнения) обуславливают наглядность и саркастичность высказываний. Последние (наглядность и саркастичность) стимулируют дискурсивное развитие конфликта, его трансформацию в набор запоминающихся общеупотребительных фраз и мемов. Таким образом, происходит прецедентное закрепление конфликтогенных ситуаций в массовом сознании. Каждое последующее обращение к спорному культурному событию заранее обеспечивается готовой коммуникативной и когнитивной базой для развития социального и дискурсивного противостояния.

Подобный результат не связан с авторским намерением и логически обусловленными, абсолютно корректными и справедливыми выводами журналиста: *Главных подстрекателей к противозаконным действиям должна ждать повестка в суд. Тогда эти «поборники морали и нравственности» наконец-то начнут себя вести не столь безнравственно и аморально. И не спешите списывать все на кавказские нравы. Это, увы, проблема не Кавказа, а России в целом.* Он (результат) представляет собой продукт дискурсивной трансформации репрезентуемых в коммуникативной среде событий и мнений, продукт дискурсивного конфликтогенеза социально значимой ситуации.

В целом материал, принадлежащий региональному представительству [40], соответствует стратегиям дискурсивной трансляции конфликта федеральных СМИ, выделенным ранее тенденциям репрезентации социально значимых конфликтогенных ситуаций.

«В Дагестане начался сезон “Охоты на мужчин”» [41].

Наиболее интересный по стратегиям трансляции и целям материал, в котором меняется вектор взаимодействия политических амбиций и религиозных ценностей.

Материал представляет собой площадку высказываний – текст состоящий из цитат известных людей Дагестана – чемпиона UFC Хабиба Нурмагомедова и главы отдела фетв при ДУМД Зайнуллы Атаева. Риторика этих высказываний достаточно стереотипна и сводится к требованиям не задевать национальные ценности, не унижать самим фактом проведения спектакля дагестанский социум и мужчин и не развращать общественные нравы: *Что вы все молчите? Они назвали этот спектакль «Охотой на мужчин». Это*

ведь прямое оскорбление нас! (Нурмагомедов). Бесконечная хвала Всевышнему, что наш народ сохранил духовный иммунитет и способен отличать мерзкое, плохое от хорошего (Атаев). Лаконичные, побуждающие к немедленному действию высказывания бойца и констатирующие, но столь же однозначные и четкие представителя духовенства образуют некий диалог «своих» в рамках дискурсивного пространства, представляют две модели речевого и социального поведения, два типа реакции общества на вторжение инородного культурного кода, либеральных моделей сознания.

Идеи и эмоции высказываний далеко отходят от медийного факта и затрагивают область этических основ жизни общества. Цитатный текст представляет собой дискретный диалог о моделях построения нового мира. Можно предположить, что таким образом происходит мифологизация [42. Р. 1–18] реактуализированных духовных скреп. Подобно персонажам древнего эпоса, лидер культа тела и духовный лидер конструируют идеальные образы и новый миф о настоящих людях своей страны.

Каждое высказывание заслуживает отдельного внимания. Призывы Нурмагомедова за предельной экспрессией и откровенным использованием чувства личного достоинства и ментальных приоритетов пропагандируют определенные модели поведения, мотивируют на спешное необдуманное решение и действие. Их арсенал выразительных средств (в частности, интонация, обращения, синтаксический строй) направлен на активизацию понятий чести, роли мужчины в обществе, на активизацию архетипических для менталитета моделей поведения, когда за оскорблением (реальным или мнимым) немедленно следует расправа. Эти высказывания, представленные в дискурсивном пространстве, становятся конструктивными элементами образа настоящего героя, человека «своей» культуры, шире – образа дагестанского социума – брутального и традиционного.

Констатации и размышления Атаева направлены на принятие продуманных, идеологически и религиозно мотивированных решений, на осмысление человеком своей культурной, социальной и неизбежно политической позиции. И та и другая стратегии конструирования образа положительного гражданина, уважаемых моделей поведения и адекватных реакций представляют собой форму языкового манипулирования культурными предпочтениями и отношением к явлениям культуры ради далеких от культурного дискурса целей, формой дезинтеграции на уровне речевого и социального поведения, формой запрета на любые проявления культурной индивидуальности или культурных потребностей в рамках социума. Кроме того, диалоги подобного рода формируют своего рода медийный эпос, дидактическое пространство, направленное на манипулятивное «воспитание» социума, создание новых культурных прецедентов, обслуживающих политико-религиозные цели.

Следует отметить, что рассмотренные стратегии репрезентации конфликта не единственный способ формирования конфликтогенного культурного дискурса в республиканских медиа. Интересны способы конструирования образов новых идеальных людей, которые коррелируются со стратегией **мифологизации** дискурсивного пространства.

«Дагестан: культурные войны и моральный террор» [43].

Особое место в медиапрактике занимает образ героя – жертвы «воинствующей светскости», столкнувшегося с законом и терпящим притеснения. Герой подобного рода необходим для создания картины мира, соответствующей исламским этическим нормам. В частности, речь идет о конфликте Эльдара Иразиева, известного комика и борца за традиционные моральные ценности, с правоохранителями. В данном случае смысловым центром материала становится концепт «экстремизм». Манипулятивная цель автора – доказать, что деятельность героя направлена на общественное благо, тогда как на уровне закона он оказался в рядах находящихся под подозрением. Попавший в списки экстремистов, герой и его ситуация становятся иллюстративным материалом для аргументов критики власти.

Негативно интерпретирующие позицию государства высказывания: *В конкретных реалиях нынешней путинской России дагестанские сторонники светской демократии и их российские единомышленники фактически предлагают мусульманам республики принять только издержки этой системы без ее преимуществ* – объясняются стремлением защитить исламские ценности и необходимостью уважать этический выбор народа Дагестана. Собственно, стремление подчинить политику религиозным интересам в данном материале очевидно, соответственно возникает необходимость в образе героя нового исламского мира, которым и становится шоумен.

Иразиев представлен в качестве человека, решившего жить в соответствии с религиозными моральными установками и продвигать эти установки в медийное пространство. Его личность не характеризуется в рамках материала, предполагается, что герой и его бэкграунд общеизвестны, а последние связанные с ним события – очередное сценарно предусмотренное испытание, знаковое событие в политическом противостоянии и соответствующем локальном дискурсивном пространстве.

Особую смысловую нагрузку в формировании идеального образа занимают два коротких видео (элементы мультимедийной креолизации), в которых сам герой разъясняет причины своего попадания в экстремистские списки: *Я высказался в очень доброй манере... я очень-очень мягко высказался... меня закинули на профучет как экстремиста* – и подтверждает достоверность этой информации (разговор с сотрудником полиции). В формирование образа включается и сама картинка с говорящим героем, и возможности паравербальных (интонация, тембр) и невербальных (взгляд) средств выразительности.

В общей дискурсивной логике это продолжение мифологизации нового этического пространства, создание мифологически подкрепленных, иллюстративно скомпонованных ориентиров. Иразиев – борец и жертва «морального террора», которому его подвергает существующий политический строй. Автор предлагает вниманию аудитории выдержку из хроники борьбы героя с системой, пропагандирует личное страдание ради религиозной цели, придает образу своего героя черты житийности и через подобную агиографическую картинку пропагандирует личностную реализацию рели-

гиозных ценностей. В данном случае пропаганда религии соединяет приемы манипуляции и проповеднической риторики, базируется на мифологизированном образе современного праведника.

В Дагестане задержан активист, выступающий за отмену концертов и спектаклей [44].

Арест Ахмеда Исрапилова продолжает тему героя, претерпевающего притеснения. Репрезентация событий конфликта представлена набором метафорических клише (*не утихают страсти, волну народного негодования*) и устойчивых определений (*известные деятели Дагестана*), направленных на формирование публицистического пафоса, смыслообразующим в процессе репрезентации становится концепт «негодование». Далее констатируется факт задержания: *Ему вменяется публикации, содержащие угрозы в адрес актеров, исполняющих непристойные сцены в спектакле «Охота на мужчин»*. Бесстрастная тональность и обилие законодательной лексики (*по данным правоохранителей, в рамках российского законодательства, ему вменяется, способствовали отмене*) подчеркивают сценарно предусмотренный характер страданий героя и точно представляют его вклад в борьбу с чуждыми культурными событиями и тенденциями. Как и в случае с Ирадиевым, арест Исрапилова должен стать поводом политической повестки и иллюстрацией, наглядным материалом, обслуживающим пропагандистские цели.

Вместе с тем за эмоциональной закрытостью и фактологической ограниченностью информационного материала даже более рельефно, чем при использовании большого количества средств выразительности и стратегий коммуникативного контакта с читателем, предстает настоящий образ героя: сдержанный по речевой подаче, жесткий по фактологии репрезентируемой ситуации, драматичный в связи с отсутствием комментариев и даже подтекстовых оценок (полемика с законодательными предписаниями недопустима), удачно дополненный простой выразительной фотографией. Это еще один пример мифологизации публичной персоны. Конструктивными элементами последней (как и в предыдущем примере) становится ряд приемов конструирования: фактология борьбы с системой и перечень личных страданий, сдержанная, максимально бесстрастная, «сухая» подача последнего по времени события, гиперссылки, позволяющие познакомиться с предшествующей деятельностью героя, критика власти или подчеркнутое транслирование события, когда оценка недопустима по законодательным соображениям.

Заключение

В материалах федеральных СМИ дискурсивное противостояние формирует устойчивую концептосферу, которая ограничивает смысловые рамки конфликта и является своего рода триггером для включения определенных эмоций и типов коммуникации, механизмов порождения текста и восприятия. При всей нейтральности включенных в коммуникативное поле кон-

цептов их единство в рамках дискурса образует критическую массу смыслового противостояния двух этических систем и двух типов культур. Преодолеть противостояние не позволяет как инерция употребления (репликация), так и информационный (семантический) след концептов, что становится фактором конфликтогенеза.

Также в дискурсе федеральных СМИ цитируются высказывания, имеющие политическую, этическую, культурную ангажированность в духе идей псевдотрадиции и безоговорочного следования исламским нормам. Коммуникативные структуры подобного рода высказываний носят откровенно манипулятивный характер, в них легко вычленяются приемы манипулятивного управления общественным сознанием. Цитированные манипулятивные послы встраиваются в аналитическое комментирование и детерминируют авторскую оценку ситуации. В случае нейтральной авторской позиции они приобретают откровенно плоский, лапидарный характер, становятся прецедентами самопиара и претензий на власть, фактами откровенной трансляции управленческих меседжей.

Комментарии сторонников светского пути развития культурного пространства республики несут интенции содержательного анализа, но при этом репрезентуются как нейтрально («Ъ», Lenta.ru), так и с использованием эмоциональных маркеров (ирония, сарказм). Эмоционально обусловленные трансформации концептосферы дискурсивного пространства приводят к возрастанию вербальной агрессии противников тоталитарных культурно-политических решений, нагнетают ситуацию конфликта, уравнивают оппонентов в стремлении представить точку зрения любыми средствами не столько ради ее реализации и положительного изменения социально напряженной ситуации, сколько ради закрепления в дискурсивном пространстве и последующего обозначения в политическом или культурном поле.

Еще одним фактором конфликтогенеза становится гипертекстовая оболочка материалов. При объективированном характере цитатного изложения событий и нейтральной авторской позиции гипертекстовые врезки отсылают к информационным поводам, обладающим еще большей провокативной силой и отрицательной эмоциональной привлекательностью. В этом случае нейтральный исходный текст в рамках дискурсивного пространства становится стартовой площадкой для расширения конфликтогенного поля. Подобное явление носит также манипулятивный характер и может быть обозначено как прием гиперманипуляции, прием управления восприятием посредством контекста и технико-технологической цифровой оболочки материала. Развивается эффект погружения (иммерсия) в негативные события, прохождения различных уровней противостояния по модели остросюжетного игрового квеста только с реальными событиями и участниками.

Результатом конфликтогенного развития концептосферы культурно-политической дискурсивной практики и использования манипулятивных механизмов коммуникации становится закрепление в дискурсе симу-

лякра особой республиканской (национальной) общности, противостоящей цивилизации и мировым интеграционным культурным процессам. Подобного рода симулякр становится значимой характеристикой дискурса культуры в Дагестане.

Следует отметить, что в региональном сегменте различаются подходы к репрезентации конфликта между СМИ федеральной принадлежности и электронными собственно региональными СМИ.

Региональные представительства федеральных СМИ в целом реализуют модели, описанные выше: транслируют конфликтную риторику в контексте присутствия в социальных и культурных процессах республики, аналитические комментируют конфликтогенные ситуации, зачастую реализуют агрессивно-иронический коммуникативный потенциал.

В региональных СМИ местного подчинения выделяются две логики развития дискурсивного конфликта, реализованные в двух стратегиях.

Стратегия карнавализации предполагает переворачивание ценностных и культурных ориентиров, устрашение мировой культурой и свободой личностного самоопределения, а также девальвацию самих ценностей и манипулятивное продавливание положительных интенций в прорелигиозных моделях поведения и коммуницирования. В этом случае религиозные нормы и установки выступают в качестве положительных сценарных элементов, в качестве плоско демонстрируемых норм правильности. Они (религиозные установки) превращаются в набор поведенческих стандартов, в идеологические клише. Цель карнавализации конфликтного противостояния и заключается в идеологизации религиозных ценностей и их подчинении политическим целям.

Стратегия мифологизации предполагает создание сакрального пространства в рамках медиадискурса. Подобное пространство необходимо для формирования новой, религиозно обусловленной картины мира. В этом случае структурными элементами дискурса становятся образы жертв и одновременно героев, стилистическими маркерами – литературный стиль и эпичность, интенционными характеристиками – перформативность или дидактизм. В этом случае религиозные ценности обладают автономной значимостью и являются целью развития дискурсивных процессов. Критика власти в материалах подобного рода детерминирует необходимость этических перемен, трансляция специфики политических и социальных процессов превращается в инструментарий, работающий на закрепление и доминирование религии в социуме.

На примере дагестанского культурного медиадискурса, реализующего законы медиалогии [45. С. 75–88], можно проследить процессы алгоритмизации коммуникативного пространства, но это уже проблема отдельного исследования.

Литература

1. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности: Работы разных лет / сост., пер. с фр., коммент. и посл. С. Табачниковой ; под общ. ред. А. Пузырея. М., 1996. С. 47–96.

2. *Van Dijk T.A.* Introduction: Discourse Analysis in (Mass) Communication Research // *Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication*. London : Sage publications, 1985. P. 1–10. DOI: 10.1515/9783110852141.
3. *Van Dijk T.A.* Critical Discourse Analysis / ed. D. Schiffrin, D. Tannen, H.E. Hamilton // *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford : Blackwell, 2001. P. 352–371.
4. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2001. 380 с.
5. *Chilton P.* *Analysing Political Discourse*. London : Routledge, 2004. 240 p. DOI: 10.4324/9780203561218.
6. *Baker P., Gabrielatos C., McEnery T.* Welcome to Muslim world: Collectivisation and differentiation. In *Discourse Analysis and Media Attitudes: The Representation of Islam in the British Press*. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. P. 123–147. DOI: 10.1017/CBO9780511920103.005.
7. *Samaie M., Malmir B.* US news media portrayal of Islam and Muslims: a corpus-assisted Critical Discourse Analysis // *Educational Philosophy and Theory*. 2017. № 49 (14). P. 1351–1366. DOI: 10.1080/00131857.2017.1281789.
8. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 136–137.
9. *Дискурсивные практики СМИ: проблемы информационной безопасности* : монография / под общ. ред. Э.В. Чепкина, Ю.В. Казаков, Л.М. Майданова [и др.]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. 308 с.
10. *Чудинов А.П.* Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2013. 176 с.
11. *Белова Н.Е.* Особенности дискурса информационной войны // *Приволжский научный вестник*. 2015. № 6-3 (46). С. 75–78.
12. *Озюменко В.И.* Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2017. № 1. С. 203–220.
13. *Кошкарлова Н.Н.* Межкультурный политический прогноз: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса // *Вестник ТГПУ*. 2017. Вып. 10 (187). С. 15–20.
14. *Болдырев Н.Н.* Языковые категории как формат знания // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2006. № 2. С. 5–15.
15. *Григорьева В.С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2007. 288 с.
16. *Коростелева Л.В.* Создание концептов в речевых произведениях экстремистского содержания как основа воздействующей стратегии // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 9-1 (75). С. 121–123.
17. *Мельникова Т.С.* Пропаганда как технология политического манипулирования // *Власть*. 2010. № 8. С. 47–51.
18. *Салин П.Б.* Механизмы и каналы медиаманипулирования массовым политическим сознанием // *Политическая наука*. 2017. № 1. С. 242–252.
19. *Кихтан В.В., Мамиева Б.Ю.* К вопросу о манипулировании в современных СМИ // *Вестник ВуиТ*. 2018. № 2. С. 236–242.
20. *Попов А.В.* Механизмы и инструменты влияния средств массовой информации на формирование общественного мнения в России и в мире // *Этносоциум и международная культура*. 2018. № 9 (123). С. 62–69.
21. *Fairclough N.* *Political Discourse in the Media: An Analytical Framework* / ed. A. Bell, P. Garret // *Approaches to Media Discourse*. London : Blackwell, 1998. P. 142–162.
22. *Lin A.* Critical Discourse Analysis in Applied Linguistics: A Methodological Review // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2014. № 34. P. 213–232. DOI: 10.1017/s0267190514000087.

23. *Ajsic A., McGroarty M.* Mapping Language Ideologies. / ed. Francis M. Hult, David Cassels Johnson // *Research Methods in Language Policy and Planning*. London : Wiley Blackwell, 2015. P. 181–192. DOI: 10.1002/9781118340349.ch16.

24. *Fitzsimmons-Doolan S.* Language ideologies of institutional language policy: exploring variability by language policy register // *Language Policy*. 2018. № 18 (2). P. 169–189. DOI: 10.1007/s10993-018-9479-1.

25. *De Cillia R., Reisigl M., Wodak R.* The Discursive Construction of National Identities // *Discourse & Society*. 1999. № 10 (2). P. 149–173. DOI: 10.1177/0957926599010002002.

26. *Ибрагимова П.А.* СМИ и культурные традиции Дагестана // *Вестник ННГУ*. 2012. № 1–2. С. 313–314.

27. *Алиева Д.А.* Особенности политизации ислама в современном Дагестане // *Власть*. 2014. Т. 22, № 10. С. 109–112.

28. *Агакеримова Ч.А.* Взаимоотношения шариата и адата в период исламизации Дагестана // *Научное обозрение: сборник статей ассоциации молодых ученых Дагестана*. Махачкала, 2006. № 27. С. 57–62.

29. *Рагозина С.А.* Дискурс политического ислама (на примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа). М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 144 с.

30. *Магомедов Г.Н.* Этнокультурные и этнополитические проблемы современного Дагестана // *Власть*. 2015. Т. 23, № 7. С. 62–67.

31. *Черных А.* Мы не хотим жить так, как принято у вас // *Коммерсантъ*. 2018. 28 нояб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3813163>.

32. *Мусаева А.Г.* Характерные черты адатного права у горцев Дагестана // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 10-1. С. 1–5.

33. *Вуд Д.* Страшать и не пущать!: Волна запретов накрывает Дагестан // *Regnum*. 2018. 20 нояб. URL: <https://regnum.ru/news/2522721.html>.

34. *Котурова И.А.* Лингвокогнитивный аспект иронических высказываний в современной немецкой публицистике // *Дискуссия*. 2011. № 6. С. 111–114.

35. *Войцеховский Б.* Мрази! Будете гореть в аду! // *Lenta.ru*. 2018. 27 нояб. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/11/27/anigag2/>

36. *De Maeyer J., Holton A.E.* Why linking matters: A metajournalistic discourse analysis // *Journalism*. 2016. № 17 (6). P. 776–794. DOI: 10.1177/1464884915579330

37. *Гаджиев Т.* Дагестан становится ареной борьбы за нравы // *ГолосИслама.RU*. 2018. 27 нояб. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=35465>.

38. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худ. лит., 1990. 543 с.

39. *Севериновский В.* Дагестан и блюдуны морали // *РИА «Дербент»*. 2018. 26 нояб. URL: <https://riaderbent.ru/dagestan-i-blyuduny-morali.html>

40. *Сайт* Регионального информационного агентства «Дербент». URL: riaderbent.ru

41. *Хаджич Я.* В Дагестане начался сезон «Охоты на мужчин» // *ГолосИслама.RU*. 2019. 27 февр. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=36011>

42. *Kelsey D.* Hero Mythology and Right-Wing Populism // *Journalism Studies*. 2016. № 17 (4). P. 1–18. DOI: 10.1080/1461670X.2015.1023571

43. *Хан И.* Дагестан: культурные войны и моральный террор // *ГолосИслама.RU*. 2019. 4 марта. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=36034>.

44. *В Дагестане задержан активист, выступающий за отмену концертов и спектаклей* // *ИА IslamNews.ru*. 2019. 6 марта. URL: <https://islamnews.ru/news-v-dagestane-zaderzhan-aktivist-vystupayushij-za-otmenu-koncertov-i-spektaklej/>.

45. *Загидуллина М.В.* Медialogика как инструмент анализа в коммуникативистике // *Вопросы журналистики*. 2017. № 1. С. 75–88. DOI: 10.17223/26188422/1/6

The Conflict of Liberal and Conservative Values in the Media Discourse of the Federal and Dagestan Mass Media

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 70. 313–335. DOI: 10.17223/19986645/70/18

Valery M. Amirov, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: vestnik-va@mail.ru. ORCID: 0000-0003-3371-2939. SPIN:3493-3986

Tatiana A. Glebovich, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: tatanova11@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5965-0126. SPIN: 7000-9207

Keywords: media discourse, conflict, strategy, values, ideology, religion.

The article is aimed at studying the conflict between liberal and religious values in the Dagestani media discourse. The socio-political prerequisites for the emergence of the conflicting discursive practice are identified; concepts and strategies of cultural polemics, linguistic methods of constructing religious or political value systems, methods of constructing opportunistic images and ethically marked simulacra are analyzed. The empirical base of the study is over 100 publication from federal and regional media. The selection was determined by the keywords and thematic relevance. The content analysis showed that factual information, characters and cited comments were often repeated. Further, the content of ten publications from federal and ten from regional media was studied. The publications selected for the analysis use a wide variety of methods to construct conflict-generating situations, have a significant number of quoted comments and the maximum depth of the characters' discursive confrontation. The publications were analyzed according to the critical discourse analysis model. As a result of the study, the directions and consequences of the development of a conflict-generating media discourse were determined. In the publications of the federal media, the discursive conflict forms a stable sphere of concepts, generates relevant emotions and types of communication. Supporters of conservative norms refer to the totalitarian ethical discourse, in which the propaganda orientation, manipulative communication strategies, the suggestive format of communicative interaction play the role of discourse markers. Journalistic comments present an objective analysis of the situation, often with the use of irony. Irony-caused transformations of concepts lead to increased verbal aggression, enhance the discursive conflict and equalize opponents in their attempt to promote their point of view. The hypertext shell of the publications exacerbates the conflict by context inclusion. As a result, a simulacrum of a national community is formed in the discourse, as opposed to civilizational and world integration cultural processes. In the regional segment, two logics of the discursive conflict development are distinguished; they are based on two different strategies. The strategy of carnivalization changes value-based and cultural orientations, devalues personal freedom, and hinders the development of cultural integration. The purport of this strategy is the ideologization of religious values, their subordination to political force. The mythologization strategy creates a sacred space within media discourse; this space is necessary for the formation of a religiously conditioned worldview. In this case, religious values subjugate political and social interests, become the purpose of discursive processes' development.

References

1. Foucault, M. (1996) Poryadok diskursa [The order of discourse]. In: Puzyrey, A. (ed.) *Volya k istine: po tu storonu vlasti, znaniya i seksual'nosti: Raboty raznykh let* [Will to Truth: Beyond Power, Knowledge and Sexuality: Works of different years]. Translated from French by S. Tabachnikova. Moscow: Kastal'. pp. 47–96.
2. Van Dijk, T.A. (1985) Introduction: Discourse Analysis in (Mass) Communication Research. In: *Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass Media*

Discourse and Communication. London: Sage publications. pp. 1–10. DOI: 10.1515/9783110852141

3. Van Dijk, T.A. (2001) Critical Discourse Analysis. In: Schiffrin, D., Tannen, D. & Hamilton, H.E. (eds) *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford: Blackwell. pp. 352–371.

4. Habermas, J. (2001) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Translated from English. St. Petersburg: Nauka.

5. Chilton, P. (2004) *Analysing Political Discourse*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9780203561218

6. Baker, P., Gabrielatos, C. & McEnery, T. (2013) Welcome to Muslim world: Collectivisation and differentiation. In: *Discourse Analysis and Media Attitudes: The Representation of Islam in the British Press*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 123–147. DOI: 10.1017/CBO9780511920103.005

7. Samaie, M. & Malmir, B. (2017) US news media portrayal of Islam and Muslims: a corpus-assisted Critical Discourse Analysis. *Educational Philosophy and Theory*. 49 (14). pp. 1351–1366. DOI: 10.1080/00131857.2017.1281789

8. Arutyunova, N.D. (1990) Diskurs [Discourse]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 136–137.

9. Chepkin, E.V. et al. (eds) (2009) *Diskursivnye praktiki SMI: problemy informatsionnoy bezopasnosti* [Discursive media practices: problems of information security]. Yekaterinburg: Ural State University.

10. Chudinov, A.P. (2013) *Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii* [Essays on modern political metaphorology]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

11. Belova, N.E. (2015) Discursive Features of the Information Warfare. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik*. 6-3 (46). pp. 75–78. (In Russian).

12. Ozyumenko, V.I. (2017) Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika – RUDN Journal of Linguistics*. 1. pp. 203–220. (In Russian).

13. Koshkarova, N.N. (2017) Intercultural Political Prognosis: Realization of Conflict and Congruous Discourses' Models. *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 10 (187). pp. 15–20. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-10-15-20

14. Boldyrev, N.N. (2006) Linguistic Categories as a Format of Knowledge. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 2. pp. 5–15. (In Russian).

15. Grigor'eva, V.S. (2007) *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty* [Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects]. Tambov: Tambov State Technical University.

16. Korosteleva, L.V. (2017) Concept Formation in the Speech Pieces of Extremist Content As a Basis of Influence Strategy. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 9-1 (75). pp. 121–123. (In Russian).

17. Mel'nikova, T.S. (2010) Propaganda kak tekhnologiya politicheskogo manipulirovaniya [Propaganda as a political manipulation technique]. *Vlast' – The Authority*. 8. pp. 47–51.

18. Salin, P.B. (2017) Instruments and channels of media manipulation with mass political consciousness. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 242–252. (In Russian).

19. Kikhtan, V.V. & Mamieva, B.Yu. (2018) To the Question of Manipulation in Modern Media. *Vestnik VutT*. 2. pp. 236–242. (In Russian).

20. Popov, A.V. (2018) Mekhanizmy i instrumenty vliyaniya sredstv massovoy informatsii na formirovanie obshchestvennogo mneniya v Rossii i v mire [Mechanisms and tools of mass media influence on the formation of public opinion in Russia and in the world]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*. 9 (123). pp. 62–69.

21. Fairclough, N. (1998) Political Discourse in the Media: An Analytical Framework. In: Bell, A. & Garret, P. (eds) *Approaches to Media Discourse*. London: Blackwell. pp. 142–162.

22. Lin, A. (2014) Critical Discourse Analysis in Applied Linguistics: A Methodological Review. *Annual Review of Applied Linguistics*. 34. pp. 213–232. DOI: 10.1017/s0267190514000087
23. Ajsic, A. & McGroarty, M. (2015) Mapping Language Ideologies. In: Hult, F.M. & Johnson, D.C. (eds) *Research Methods in Language Policy and Planning*. London: Wiley Blackwell. pp. 181–192. DOI: 10.1002/9781118340349.ch16
24. Fitzsimmons-Doolan, S. (2018) Language ideologies of institutional language policy: exploring variability by language policy register. *Language Policy*. 18 (2). pp. 169–189. DOI: 10.1007/s10993-018-9479-1
25. De Cillia, R., Reisigl, M. & Wodak, R. (1999) The Discursive Construction of National Identities. *Discourse & Society*. 10 (2). pp. 149–173. DOI: 10.1177/0957926599010002002
26. Ibragimova, P.A. (2012) Mass Media and Cultural Traditions of Dagestan. *Vestnik NNGU – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 1–2. pp. 313–314. (In Russian).
27. Alieva, D.A. (2014) The features of politicization of islam in modern Dagestan. *Vlast' – The Authority*. 22 (10). pp. 109–112.
28. Agakerimova, Ch.A. (2006) Vzaimootnosheniya shariata i adata v period islamizatsii Dagestana [Relationship between Sharia and Adat in the period of Islamization of Dagestan]. *Nauchnoe obozrenie: sbornik statey assotsiatsii molodykh uchenykh Dagestana. Makhachkala*. 27. pp. 57–62.
29. Ragoza, S.A. (2013) *Diskurs politicheskogo islama (na primere internet-prostranstva Severo-Vostochnogo Kavkaza)* [Discourse of political Islam (on the example of the Internet space of the North-Eastern Caucasus)]. Moscow: LIBROKOM.
30. Magomedov, G.N. (2015) Ethno-Cultural and Ethno-Political Problems of Modern Dagestan. *Vlast' – The Authority*. 23 (7). pp. 62–67. (In Russian).
31. Chernykh, A. (2018) My ne khotim zhit' tak, kak prinyato u vas [We do not want to live your way]. *Komerssant*". 28 November. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3813163>.
32. Musaeva, A.G. (2014) Kharakternye cherty adatnogo prava u gortsev Dagestana [Characteristic features of adat law among the highlanders of Dagestan]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 10-1. pp. 1–5.
33. Vud, D. (2018) Strashchat' i ne pushchat'!: Volna zapretov nakryvaet Dagestan [Scare and forbid!: A wave of prohibitions covers Dagestan]. *Regnum*. 20 November. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/2522721.html>.
34. Kotyurova, I.A. (2011) Lingvokognitivnyy aspekt ironicheskikh vyskazyvaniy v sovremennoy nemetskoj publitsistike [Linguo-cognitive aspect of ironic statements in modern German journalism]. *Diskussiya*. 6. pp. 111–114.
35. Voytsekhovskiy, B. (2018) Mrazi! Budete goret' v adu! [Scums! You will burn in hell!]. *Lenta.ru*. 27 November. [Online] Available from: <https://lenta.ru/articles/2018/11/27/anigag2/>.
36. De Maeyer, J. & Holton, A.E. (2016) Why linking matters: A metajournalistic discourse analysis. *Journalism*. 17 (6). pp. 776–794. DOI: 10.1177/1464884915579330
37. Gadzhiev, T. (2018) Dagestan stanovitsya arenoy bor'by za nravy [Dagestan becomes the arena of the struggle for morals]. *GolosIslama.RU*. 27 November. [Online] Available from: <https://golosislama.com/news.php?id=35465>.
38. Bakhtin, M.M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Francois Rabelais's oeuvre and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khud. lit.
39. Sevrinovskiy, V. (2018) Dagestan i blyuduny morali [Dagestan and morality abiders]. *Derbent*. 26 November. [Online] Available from: <https://riaderbent.ru/dagestan-i-blyuduny-morali.html>.

40. *Derbent*. [Online] Available from: riaderbent.ru.
41. Khadzhich, Ya. (2019) V Dagestane nachalsya sezon “Okhoty na muzhchin” [In Dagestan, the “Hunting for Men” season has begun]. *GolosIslama.RU*. 27 February. [Online] Available from: <https://golosislama.com/news.php?id=36011>.
42. Kelsey, D. (2016) Hero Mythology and Right-Wing Populism. *Journalism Studies*. 17 (4). pp. 1–18. DOI: 10.1080/1461670X.2015.1023571
43. Khan, I. (2019) Dagestan: kul’turnye voyny i moral’nyy terror [Dagestan: cultural wars and moral terror]. *GolosIslama.RU*. 4 March. [Online] Available from: <https://golosislama.com/news.php?id=36034>.
44. IslamNews.ru. (2019) V Dagestane zaderzhan aktivist, vystupayushchiy za otmenu kontsertov i spektakley [An activist who advocates the cancellation of concerts and performances was detained in Dagestan]. 6 March. [Online] Available from: <https://islamnews.ru/news-v-dagestane-zaderzhan-aktivist-vystupayushij-za-otmenu-koncertov-i-spektaklej/>.
45. Zagidullina, M.V. (2017) Media logic as a tool in communicative analysis. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 1. pp. 75–88. (In Russian). DOI: 10.17223/26188422/1/6